

и функций определенных социальных институтов, результаты данных изменений еще только предстоит осмыслить. Но очевидно, что только усилий учреждений образования для изменения сложившейся ситуации недостаточно. Необходимо подключать к формированию читательской культуры и семье. Именно семья в первую очередь, по мнению респондентов, оказывает влияние на формирование системы ценностей. В опросе 2022 года, проведенном среди студентов и магистрантов ВГУ имени П.М. Машерова, отвечая на подобный вопрос: респонденты на первое место поставили родителей (32%). «Семья – основная ячейка общества, в которой идет наиболее глубокое усвоение ценностей. Ребенок учится тому, что видит у себя в доме» [1, 118]

1. Давлятова, Е. В. Патриотическое сознание и информационная культура студенческой молодежи / Е. В. Давлятова, Э. И. Рудковский, Е. О. Далимаева // Ученые записки УО "ВГУ имени П. М. Машерова", 2022. – Т. 35. – С. 116–121. URL <https://rep.vsu.by/handle/123456789/33567> (дата обращения 05.02.2023)

2. Далимаева Е.О. Социология чтения : метод. рекомендации / [авт.-сост. Е. О. Далимаева] /Е.О. Далимаева//; М-во образования РБ, УО "ВГУ им. П. М. Машерова", Каф. философии. — Витебск : УО "ВГУ им. П. М. Машерова", 2012. — 48 с. URL <https://rep.vsu.by/handle/123456789/2882> (дата обращения: 05.02.2023)

ПРЕДМЕТ ЭСТЕТИКИ И КРИТИКА СУЖДЕНИЙ ВКУСА

А.Б. Демидов

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Определения эстетики иногда излишне широки (например, отождествляют её предмет с ценностями или «всем сущим»). Иногда определения слишком узки, вследствие чего словом «эстетика» называют не всю сферу чувственного восприятия, а лишь какую-то её предпочитаемую часть (например, отождествляют эстетику с философией искусства). Иногда определения тавтологичны и потому неопределённые (эстетикой называют науку об «эстетическом»). На попытки определить предмет эстетики влияет более или менее явно парадигма, заданная кантовской «Критикой способности суждения». Цель этого небольшого исследования – выяснить, насколько оправданно и корректно некоторые современные авторы используют кантовские понятия для своих определений предмета эстетики.

Материал и методы. В данном исследовании анализируются и сравниваются труды современных специалистов в области эстетики на предмет определений эстетики и критериев «эстетического».

Результаты и их обсуждение. В своей «аналитике прекрасного» И. Кант выводит четыре «пояснения прекрасного». При этом он исходит из того, что суждения о прекрасном основываются на способности вкуса, и имеются соответственно четыре логические функции суждения [1; с. 40]. В результате, первое пояснение показывает, что прекрасным называется предмет благоволения, независимый от какого-либо *интереса* [1; с. 48]. Во-вторых, прекрасное является *без посредства понятий* предметом *всеобщего* благоволения [1; с. 57]. В-третьих, прекрасное представляется та-

ковым в качестве *формы целесообразности* предмета, воспринимаемой без представления о цели [1; с. 74]. В-четвёртых, прекрасное признаётся без понятия предметом *необходимого* благоволения [1; с. 78].

Аналитика прекрасного и представленные в ней моменты суждения вкуса, т.е. способности судить о прекрасном, будучи абстрагированными от целого контекста рассуждений Канта, могут быть восприняты как наделение прекрасного статусом основной категории научной эстетики. Термин «эстетика», придуманный А. Баумгартеном в 1735 году, давно вышел за рамки сугубо философской лексики в обыденную речь и ассоциируется с чем-то прекрасным и возвышенным. Такое отождествление эстетичного с красивым/прекрасным вошло в общественное сознание как предрассудок. Однако для дискурса, претендующего на научность или эксплицитность, этот предрассудок создаёт проблемы тем, что суживает область чувственно постигаемого (эстетического) лишь до «прекрасного».

Для удобства дальнейшего дискурса мы используем своё условное выражение «каллоцентризм», образованное от древнегреческого *κάλλος* или *κάλον* (прекрасное, красота), чтобы обозначить им сосредоточенность эстетической мысли на феномене «прекрасного» или «красоты». Наличие у некоторых эстетиков такой фиксации на понятии красоты, придание ему центрального положения среди категорий эстетики могут подтвердить и проиллюстрировать следующие примеры. Так, на прекрасном фокусируется определение эстетики у Л. Н. Столовича: «Эстетика... — отрасль философского знания, теоретически исследующая такое ценностное мироотношение, которое прежде всего характеризуется категорией “прекрасное”...» [2; с. 698]. По определению П. С. Гуревича, «Эстетика... — философская наука, которая исследует ценностное мироощущение, характеризуемое категорией “прекрасного”»... [3; с. 3]. Так же О. А. Кривцун считает прекрасное основой эстетики: «Строго говоря, все здание эстетической науки строится на *единственной категории прекрасного*» [4; с. 15]. Каллоцентрически определяет эстетику И. Н. Титаренко: «Эстетика как наука изучает специфический, неутилитарный способ познавательного отношения человека к миру, основанный на понимании прекрасного» [5; с. 6]. В приведённых примерах нет прямых ссылок на Канта, хотя в толкованиях «прекрасного» нетрудно видеть наделение его характеристиками, имеющимися в кантовских «пояснениях прекрасного».

В настоящее время каллоцентризм в трактовке предмета эстетики, по видимому, перестаёт быть превалирующим воззрением. В. В. Бычков отмечает, что в эстетике XX века понятие прекрасного подверглось существенной девальвации [6; с. 78-79]. В художественном творчестве, в дизайне всё более проявляется тенденция к привлечению внимания реципиентов парадоксальными и шокирующими образами, зрелищами, перформансами, эстетизацией мерзостей. Не претендуя на творение прекрасного, они тем не менее притягают на своего рода эстетичность — в смысле чув-

ственной действительности. В результате, становится очевидной надобность для научной эстетики какого-то более абстрактного и широкого по объёму термина для определения предмета эстетики. В. В. Бычков, подхватывая почин некоторого множества упомянутых им авторов, предлагает использовать термин «эстетическое» как основополагающее понятие современной эстетики, для преодоления зауженного горизонта науки. Само же «эстетическое» он отождествляет с «эстетическим опытом» [6; с. 79]. При непредвзятом взгляде заметна тавтология в определении предмета эстетики предикатом «эстетическое», которое как бы поясняется выражением «эстетический опыт». Но далее даётся вроде бы содержательное и не ведущее в порочный круг определение этого опыта как *неутилитарного* отношения субъекта к действительности, благодаря которому субъект достигает духовного *наслаждения*, «бескорыстного, незаинтересованного удовольствия» [6; с. 77, 128]. В таком представлении «эстетического опыта» автор будто неосознанно противоречит себе возвращаясь к всё тем же характеристикам «прекрасного», на которые указывал Кант и которые, по мнению В. В. Бычкова, узки для понимания современной эстетики.

И другие авторы, поддерживая использование слова «эстетическое» (наряду с синонимичными или поясняющими выражениями «эстетический опыт», «эстетическое переживание») в качестве наиболее общего для эстетики термина, альтернативного термину «прекрасное», по сути дела вновь и вновь наделяют своё «эстетическое» приметами предварительно отклонённого ими «прекрасного». В их спецификациях «эстетического» чаще всего указываются такие его признаки, как «незаинтересованность» (бескорыстность, неутилитарность) и «целесообразность без цели». Это попятное соскальзывание мысли, редуцирование «эстетического» к «прекрасному», якобы конституируемому «незаинтересованностью» и «целесообразностью» и заверенному Кантом, отмечают М. Н. Афасижев и Р. А. Ханаху [7; с. 113; 8; с. 105]. Оно просматривается в дискурсах Л. М. Гаврилиной [9; с. 252–253], В. И. Самохваловой [10; с. 6], Л. Н. Столовича [2; с. 39], И. Н. Титаренко [5; с. 6]. В. В. Бычков иногда напрямую отождествляет «эстетическое» с «неутилитарным» [6; с. 61, 77].

По-видимому, упомянутые авторы полагают, будто у Канта «эстетическое» достаточно определено, ограничено, сужено его «незаинтересованностью» и «целесообразностью». Но сам Кант не налагал на эстетические суждения такие ограничения. Обоснование этого утверждения мною уже представлено ранее [11]. Кант разработал не эстетику как науку, а именно «Критику способности суждения», в том числе и (особенно) суждения эстетического и вкусового. Наукой он признавал лишь такую систему знаний, которая основана на априорных принципах. Исходя из своей трактовки понятия науки, Кант утверждал, что «нет и не может быть учения о прекрасном, и суждение вкуса не может быть определено принципами» [1; с. 197].

Заключение. Современные эстетики признают, что сведение предмета их дисциплины к «прекрасному» несообразно суживает их исследовательский потенциал. Само «прекрасное» нередко представляется им как определённое «пояснениями» Канта и якобы положенное им в основание эстетики. Пытаясь расширить горизонт эстетики, на место «прекрасного» предлагают тавтологичный термин «эстетическое», под которым вновь, противореча себе, подразумевают «прекрасное». По мнению автора, если уж именно прекрасное кому-то представляется основным предметом эстетики, то пусть и называют свою «науку о прекрасном» хотя бы словом «каллология», а название «эстетика» (от др.-греч. αἰσθησις — чувство, чувственное восприятие) всё-таки оставят за наукой о чувственности вообще, во всём её объеме.

1. Кант, И. Собрание сочинений: в 8 т. / И. Кант. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 5: Критика способности суждения. – 1994. – 414 с.
2. Столович, Л. Н. Эстетика / Л. Н. Столович // Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – С. 698-699.
3. Гуревич, П. С. Эстетика: учебник для студентов высших учебных заведений / П. С. Гуревич. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 303 с.
4. Кривцун, О. А. Эстетика: учебник для академического бакалавриата / О. А. Кривцун. – М.: Юрайт, 2014. – 549 с.
5. Титаренко, И. Н. Эстетика: Учебное пособие / И. Н. Титаренко. – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. – 225 с.
6. Бычков, В. В. Эстетика: Учебник для вузов / В. В. Бычков. – М.: Академический Проект, 2020. – 452 с.
7. Афасижев, М. Н. Эстетика Канта / М. Н. Афасижев. – М.: Наука, 1975. – 136 с.
8. Афасижев, М. Н. Эстетика Канта в свете современной науки / М. Н. Афасижев, Р. А. Ханыху // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева. – 2019. – № 19 (43). – С. 102-111.
9. Гаврилина, Л. М. Эстетический опыт как необходимая составляющая современного образовательного пространства / Л. М. Гаврилина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 10 (803). – С. 249-260.
10. Самохвалова, В. И. К пониманию эстетики как науки в современном контексте / В. И. Самохвалова // Ориентиры... Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2003. – С. 6-25.
11. Демидов, А. Б. Кант и современные трактовки предмета эстетики / А. Б. Демидов // Философия и социальные науки. – 2012. – № 1-2. – С. 27-31.

РОЛЬ АМЕРИКАНСКОЙ ПОМОЩИ В РАЗВИТИИ РОССИИ В 1990-Е ГГ.

*А.П. Косов
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова
Минск, БГУ*

В 1990-е гг. в российско-американских отношениях важное место занимала проблема оказания помощи из США. Руководство посткоммунистической России, оказавшейся в глубоком социально-экономическом кризисе, наивно возлагало большие надежды на американцев.

Цель исследования – оценить значение помощи из США для развития России в условиях социально-экономического кризиса 1990-х гг.

Материал и методы. Источниками стали публикации, посвященные развитию российско-американских отношений. Методологически работа построена на принципах исторической науки – историзма и объективности, с использованием общенаучных и специальных методов.

Результаты и их обсуждение. В декабре 1991 г. российские власти, ориентированные на Запад, предоставили американцам огромные возможности для вмешательства во внутренние дела страны. Чиновников из МВФ